

Экономический барометр Гарвардского университета все время показывал дурную погоду. Но даже и его точные цифры не могли предвидеть такого быстрого углубления кризиса. Войны и стихия превратили землю в растратчицу своих энергий. Нефтяные фонтаны иссякали. Черный, белый, голубой и зеленый угли, что ни год, давали все меньший энергетический эффект. Небывалая сушь, казалось, спутала десятком экваторов изнемогающую землю. Хлеба были сожжены на корню. Загорались от зноя леса. Сельвасы Америки и джунгли Индии пылали чадным пламенем. Аграрные страны были разорены в первую очередь. Правда, на смену испепеленных лесов вставали пепельными стволами леса фабричных дымов. Но и их годы были сосчитаны. Бестопливье грозило машинам бездвижем. Даже снежные покровы ледников, растопляемые неуходящим летом, не могли служить надежным резервом водной энергии; дно выпячивалось из мелеющих рек, и вскоре турбогенераторы должны были стать.

Землю температурило. Захлестываемая желтыми бичами солнца, она кружилась вокруг него, как дервиш, доплясывающий свою исступленную пляску.

Сними государства свои политические межи, приди они друг другу на помощь, спасение было бы возможно. Но идеи ататизма¹⁰ только закреплялись бедами, и все ново- и старосветные райхи, стааты, республики и ланды, как рыбы на высыхающем дне озер, обрастали вязкой цистой, заматывались в границы, как в коконную нить, подымая таможенные пошлины до небывалых размеров. Единственным международного типа органом была Комиссия по изысканию новых энергий: КОНОЭ. Человеку, который бы открыл неизвестный энергетический ресурс, силу, не включенную в движители земли, была обещана некая семизначная сумма.

Профессор Лекр был слишком занят, чтоб замечать людей. Его глаза были отгорожены схемами, мыслями, страницами книг и не успевали отражать лиц. Матовый экран впереди окна защищал от улицы; черный футляр автомобиля с задернутым окошечком выполнял ту же роль. Еще несколько лет тому Лекр читал лекции, но постепенно отказался и от них, всецело отдавшись своим изысканиям по теории квант, ионного возбуждения и проблеме викариата чувств.

Таким образом, двадцатиминутная прогулка профессора Лекра, первая за десять последних лет его жизни, была чистой случайностью. Вначале Лекр шел в окружении своих мыслей, не замечая ни улиц, ни лиц. Но первый же перекресток спутал ему шаги, ученый принужден был поднять голову и оглядеться по сторонам, ища пути. И тут впервые о его зрачки отерлась улица.

Солнце сквозь тент туч всачивалось тусклою желчью в воздух. Вдоль панели, злобно тычась локтями в локти, торопились прохожие. В раскрытые двери магазинов вдавливались и выдавливались, застревая друг в друге, люди: их красные от натуги и злости лица были повернуты осками друг к другу.

Плывущие над трамвайными рельсами ступеньки были забиты пассажирами: груди лезли на спины, но спины, злобно шевеля лопатками, не уступали ни дюйма; перепутавшиеся поверх вертикали поручня пальцы были стиснуты хищным стиском, - казалось, будто стая слетевшихся стервятников вырывает друг у друга добычу.

Трамвай проехал, и за ним, как за отодвинувшимся занавесом, по ту сторону улицы - новая сцена: двое, трясая кулаками один на другого, били друг друга словами; и тотчас же круг из злорадных зрачков и вокруг круга круг и еще; над месивом плеч, влипших в плечи, поднятые палки.

Лекр, оглядываясь, двинулся дальше.. Внезапно колено его наткнулось на протянутую поперек пути руку. Выставившись из грязного тряпья, ладонь требовала подаяния. Лекр порылся в карманах: денег при нем не было. Распрямленная ладонь продолжала ждать. Лекр еще раз обыскал себя: кроме записной книжки - ничего. Не отводя взгляда от нищего, он отшатнул в сторону: из глаз калеки, полуслепленных гноем, вместе с слизью сочилась неуголимая, бессильная злоба.

Профессор Лекр все опасливее и опасливее разглядывал скрежещую ободами и жужжащую растревоженным людским роем улицу. Люди сменялись, но ничего не сменялось в людях; стиснутые скулы, бодающие воздух лбы и протаранивающие